

Магерамова Ю. Ю. Вторичное заимствование лексических единиц как активный процесс в современном русском языке / Ю. Ю. Магерамова // Научный диалог. — 2019. — № 4. — С. 60—69. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-60-69.

Mageramova, Yu. Yu. (2019). Secondary Borrowing of Lexical Units as Active Process in Modern Russian Language. *Nauchnyi dialog*, 4: 60-69. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-60-69. (In Russ.).

УДК 81'373.45

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-60-69

Вторичное заимствование лексических единиц как активный процесс в современном русском языке

© Магерамова Юлия Юрьевна (2019), orcid.org/0000-0003-4274-2371, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русской филологии и журналистики, Северо-Восточный государственный университет (Магадан, Россия), mager.u@bk.ru.

Актуальность исследования обусловлена обращением автора к анализу одного из динамических процессов, характеризующих современное состояние лексико-семантической системы, — вторичному заимствованию иноязычных слов. Рассматриваются вопросы, касающиеся разграничения терминологических слов и словосочетаний, используемых современными лексикологами в процессе изучения активных процессов, происходящих в русском языке на рубеже веков. Уделяется внимание анализу подходов к иноязычной лексике как «вернувшейся» из пассивного запаса, так и повторно заимствованной из иностранных языков в период конца XX — начала XXI веков. Поднимается вопрос о целесообразности использования в ряде случаев термина *вторичное заимствование* как наиболее точно отражающего сущность происходящих процессов. Особое внимание уделяется разграничению случаев деархаизации и вторичного заимствования. Называются причины деархаизации лексики, среди которых прозападные и пророссийские тенденции, свойственные современному общественному сознанию. Доказано на примере анализа лексем *губернатор* и *бакалавр*, что применяемый традиционно по отношению к отдельным словам лексико-тематических групп «Общественно-политическое устройство» и «Образование» термин *деархаизированная (реактивированная) лексика* следует заменить на термин *вторично заимствованная лексика*.

Ключевые слова: вторичное заимствование; двойное заимствование; пассивный запас; возвращенный лексикон; деархаизация; реактивизация; активный словарь.

1. Заимствование иноязычных слов как источник пополнения словарного запаса русского языка

Заимствование иностранных лексических единиц стабильно сопровождало развитию русского языка и на протяжении всех этапов его становления

было существенным источником пополнения словарного запаса. Данное явление многократно описывалось лексикологами, при этом анализу подвергались как целые пласты заимствованной лексики, так и отдельные слова, история вхождения и ассимиляции которых представляет собой сложный и далеко не всегда однозначно трактуемый процесс как с точки зрения установления языка, послужившего источником заимствования, так и с точки зрения этапов и особенностей освоения лексемы в русском языке.

2. Двойное заимствование и вторичное заимствование: соотношение терминов

Одним из активных явлений, характеризующих современную языковую ситуацию, нам представляется процесс так называемого вторичного (повторного) заимствования слова. Обратим внимание на тот факт, что явление вторичного заимствования не идентично давно известному и описанному лексикологами явлению двойного заимствования лексической единицы. При двойном заимствовании, которое, как известно, может быть двух видов, иноязычное слово проникает в русский язык либо как прямое заимствование и его словообразовательная калька (*биография* и *жизнеописание*; *симпатия* и *сочувствие*, *сострадание* — из греческого; *интонация* и *настройка* — из латинского), либо как два фонетически и семантически различающихся слова, восходящих к одному и тому же этиму (*кристалл* и *хрусталь* — из греческого; *сарай* и *сераль* — оба слова имеют персидское происхождение, но второе заимствовано русским языком посредством французского). Результатом процесса двойного заимствования становится сосуществование в языке слов-дублетов, имеющих очевидные формальные, а зачастую и семантические различия. В процессе же вторичного заимствования в языке одновременно функционируют два слова, формально абсолютно тождественные, но имеющие разные значения. Саму идею существования данной модели проникновения иностранного слова в русский язык предложил и обосновал в своих работах Л. П. Крысин, который сформулировал ее следующим образом: «...наряду с ранее заимствованным и ассимилированным в языке словом появляется слово, по форме совпадающее с ранее заимствованным, но имеющее иное значение, вплоть до полной омонимии» [Крысин, 2008, с. 21]. В качестве примеров вторично заимствованных лексических единиц автор приводит слово *пилот*, которое, по мнению Крысина, заимствовалось русским языком не раз: впервые — в начале XX века в значении ‘специалист, управляющий летательным аппаратом’ (источник — французский язык), второй раз — в конце XX века в значении ‘спортсмен, управляющий гоночным автомо-

билем' (источник — французский язык), и, наконец, новейшее заимствование уже из английского языка: *пилот* в значении 'пробный выпуск печатного издания'. К группе аналогичных слов отнесены также лексемы *формат*, *директория*, *конференция* и др. Среди критериев, которые позволяют отличить вторичное заимствование от лексемы, заимствованной единожды и далее подвергшейся семантическому развитию на почве языка-реципиента, Л. П. Крысин называет как экстралингвистические, так и собственно языковые факторы (сфера деятельности, в которой произошло новое употребление ранее заимствованного слова; возможность объяснения нового смыслового наполнения лексической единицы как результат его развития в языке и др.) [Там же, с. 22]. Поддерживающие и развивающие идеи Крысина лексикологи приводят многочисленные примеры аналогичных слов, которые можно отнести к разряду заимствованных повторно. Так, например, Н. В. Студеникина иллюстрирует данное явление с помощью анализа лексемы *пикап*, которая также была дважды заимствована русским языком из одного источника: первый раз — в значении 'модель автомобиля', повторно — в значении 'модель поведения, нацеленная на знакомство с целью соблазнения' [Студеникина, 2015, с. 92]. Пространный список лексем, вторично заимствованных в последние десятилетия, приводит в своей статье Е. В. Маринова (*скутер*, *рейдер*, *меню*, *модель*, *аниматор*, *пароль*, *домен*, *волонтер*, *пират*, *портфолио*, *софит*, *спонсор*, *трафик*, *кастинг* и мн. др.) [Маринова, 2008, с. 33]. По мнению исследовательницы, о вторичном заимствовании можно говорить в том случае, «когда один и тот же этимон (в языке-источнике он представляет собой многозначное слово) в разное время становится объектом сначала материального заимствования («перенимается») и звучание, и значение), потом «скрытого» заимствования (принимается только значение)» [Там же, с. 32].

3. Дифференциация процессов вторичного заимствования и деархаизации лексических единиц

Процесс вторичного заимствования существует в русском языке параллельно с процессом так называемого возвращения лексем из пассивного в активный словарный запас. В качестве синонимичных используются также термины *деархаизация*, *реактивизация*, *актуализация*, *активизация* и др. В некоторых работах вышеназванные термины синонимизируются полностью, в отдельных исследованиях между ними проводится семантическое разграничение. Например, в ряде исследований лексики русского языка *деархаизацией* называют процесс полного и завершенного возвращения слова в активный лексический запас,

а активизацией — лишь наметившуюся тенденцию к более частотному использованию устаревшей лексической единицы в современной речи. Несмотря на существующие терминологические разночтения, суть данного процесса вслед за Н. С. Валгиной можно определить следующим образом: «... возвращение к жизни прежде неактуальных лексем, связанных с понятиями религии, дореволюционного образования, административно-территориального деления, социальной структуры общества» [Валгина, 2003, с. 77]. В работах многих лексикологов и исследователей активных процессов, происходящих в языке в конце XX — начале XXI века [Валгина, 2003; Складневская, 2001; В. В. Шмельковой, 2009 и др.], приводятся примеры слов так называемого возвращенного лексикона: *атаман, губернатор, департамент, гимназия, лицей, магистр, кадет, акционер, биржа, акциз, всенощная, литургия, праведник, милостыня* и многие другие. Не вызывает сомнений тот факт, что в большинстве вышеназванных случаев (и в ряде им подобных) действительно произошел процесс реактивизации слов. Например, отодвинутые на периферию языка в советское время термины религиозной (богослужебной вообще, православной в частности) сферы в настоящее время находятся в активном употреблении в связи с изменившейся экстралингвистической ситуацией: возрождением Православия, значительным увеличением количества верующих или, по крайней мере, интересующихся этой стороной жизни людей и т. п. Слова, относящиеся к религиозной лексике (*проповедь, литургия, алтарь, всенощная, крестный ход, благовест, поститься, причащаться* и подобные), не претерпев каких-либо семантических трансформаций за время своего пребывания в пассивном запасе, а лишь потеряв идеологическую негативную оценочность, приобретенную в советское время, вернулись в активное употребление. Из 11 тематических групп реактивированной лексики, снабженной соответствующей пометой, которые выделили Г. М. Шипицина и М. Б. Герашенко на основе выборки из «Толкового словаря русского языка конца XX века» Г. Н. Складневской, группа «Религия, верования» является самой многочисленной и составляет, по подсчетам исследователей, порядка 53 % от всех деархаизированных на рубеже XX — XXI веков слов [Герашенко и др., 2010, с. 14]. Не вызывает сомнений и возвращение в активный словарь лексем из группы «Духовные традиции народа» (*меценатство, филантропия, радение*) или «Народная медицина» (*костоправ, знахарь, маг, ведун, прорицательница*), которые в процентном соотношении значительно уступают лидирующей группе (соответственно 3,1 % и 2,3 %). Естественно, исследователи фиксируют внимание на тех видоизменениях, которые произошли с этими деархаизированными лексическими единицами, в первую очередь обращая внимание на идеологическое

переосмысление этих слов, связанное, в частности, со снятием их отрицательной оценочности, отмечаемой в толковых словарях советского периода. Пейоративная семантика могла фиксироваться как непосредственно в дефиниционной части за счет включения в нее сочетаний типа *в капиталистических странах, в суеверных представлениях, по религиозно-мистическим представлениям, враждебное марксистско-ленинскому учению* и т. п., так и в словарной статье посредством помет типа *неодобрительное, презрительное, ироническое* и др.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что подавляющее большинство лексических единиц из вышеназванных тематических групп представляют собой либо слова исконно русские по происхождению (*костоправ, знахарь*), либо заимствованные в весьма отдаленные времена (*филантропия*). Все остальные группы, состоящие в основном из слов иноязычных, представляют собой весьма неоднородный массив, в котором можно обнаружить как слова, несомненно, деархаизированные, так и лексемы, весьма спорные в этом отношении. Неопределенность статуса многих из этих единиц обуславливается невозможностью проследить за их семантической эволюцией в русском языке. Более того, чаще всего в распоряжении исследователя нет весомых оснований для утверждения, что новое значение (или новый компонент значения) стал результатом развития иноязычной по происхождению лексики на русской почве.

Среди причин деархаизации ученые называют два разнонаправленных процесса, обусловленных действием в современном общественном сознании, с одной стороны, прозападной, а с другой — пророссийской ведущих тенденций, которые порождают, в свою очередь, сосуществование ностальгических представлений о дореволюционной России как оплоте благополучия с одновременной идеализацией западных ценностей, культуры, моделей устройства общественной жизни как символов успеха и процветания. И если первый процесс способен стать объяснением причин актуализации слов из пассивного запаса, то прозападные тенденции, по нашему мнению, все же в большей мере имеют непосредственное отношение к заимствованию (в том числе повторному) слов или их значений в процессе семантического калькирования.

4. Иллюстрация явления вторичного заимствования на примере лексем *губернатор* и *бакалавр* в современном русском языке

Механизм семантической трансформации подобных слов, представленный в некоторых статьях по данной проблематике, также не всегда вы-

глядит вполне убедительным. Так, в статье М. Б. Геращенко, посвященной деархаизации общественно-политической лексики, предложена попытка реконструкции семантического сдвига, произошедшего со словами данной группы. Например, лексема *губернатор*, по мнению автора статьи, прошла путь от моносеманта в значении ‘правитель губернии’ до многозначного слова, представленного в четырех лексико-семантических вариантах: 1 — ‘начальник губернии в дореволюционной России’, 2 — ‘высшее должностное лицо в некоторых колониях’, 3 — ‘высшее должностное лицо в каждом из штатов США и латиноамериканских республик’ и 4 — ‘высшее должностное лицо в каждой провинции, департаменте Бельгии и Испании’. Новый (пятый) лексико-семантический вариант (‘глава администрации региона России, являющегося субъектом Федерации’), по мысли автора статьи, стал результатом семантического сдвига и состоял «...в изменении дифференциальных сем исходного дореволюционного ЛСВ1 при сохранении интегральной семы (‘глава / начальник’) в результирующей семеме» [Геращенко, 2009, с. 118]. Таким образом, в основе актуального для современной России значения слова *губернатор* лежит дореволюционная основа, обогащенная комплексом других значений этого слова. Однако, как можно заметить, три из четырех названных М. Б. Геращенко лексико-семантических вариантов слова *губернатор* являются малоактуальными для носителя современного русского языка: дореволюционный *губернатор* так же далек от активного словарного запаса среднестатистического русскоязычного человека, как и его колониальный, латиноамериканский, бельгийский и испанский коллега. Учитывая такой мощный экстралингвистический фактор, как масштаб западной (во многом американской) геополитической, культурной и языковой экспансии в современном мире, трудно согласиться с выводом о незаимствованном происхождении слова *губернатор* в том значении, в котором оно используется сегодня в России. Аналогична судьба и других слов, входящих в группу общественно-политической лексики (*сенатор*, *премьер-министр*, *парламент*, *спикер*, *мэр*, *муниципалитет* и др.).

Процессу вторичного заимствования, на наш взгляд, подверглись и некоторые слова из лексико-тематической группы «Образование» (*колледж*, *бакалавр*, *магистр* и др.). Причиной этого вновь стали экстралингвистические факторы, касающиеся реформирования современного образования, которое в последние десятилетия претерпело изменения по западному образцу. Общеизвестно, что, например, высшее образование в России сегодня (в отличие от советской системы) является трехступенчатым и включает в себя бакалавриат, магистратуру и аспирантуру. Именно поэтому в актив-

ное употребление вошло, например, слово *бакалавр*. Эта этимологически иноязычная лексема давно известна в русском языке. Согласно словарным источникам, она использовалась в следующих значениях: ‘получивший бакалаврство, первую степень въ иноземныхъ университетахъ; въ нашихъ духовныхъ академіяхъ; адъюнктъ-профессоръ’ [Даль, 1880, т. 1, с. 39]. Напомним попутно, что адъюнкт-профессор — это должность или звание помощника или заместителя профессора. В послереволюционный период слово *бакалавр* вышло из активного употребления как не отражающее актуальной для советского общества реалии. К примеру, в словаре Д. Н. Ушакова лексема *бакалавр* дефинируется следующим образом: ‘младшая ученая степень в некоторых иностранных государствах и в старину в России’ [Ушаков, т. I, с. 78]. Трансформационные процессы, берущие свое начало в середине 90-х годов XX века, в том числе и в сфере образования, привели к попытке внедрения в нашей стране европейской и американской образовательных систем. Это, в свою очередь, стало причиной вторичного заимствования и ряда терминов, принятых в этих странах в сфере образования. К этим заимствованиям мы относим и лексему *бакалавр*, полную аналогию которой мы находим, например, в США, где бакалавриат — это первая базовая ступень высшего образования, длящаяся 4 года, как и сейчас в России. Актуальное значение слова *бакалавр* можно обнаружить в современных лексикографических источниках: 1) а) Первая ученая степень, присваиваемая студентам по завершении начального этапа обучения в высшем учебном заведении (в России после 1991 г.). б) Лицо, имеющее такую степень. 2) Преподаватель духовной академии (в Российском государстве до 1869 г.) [Ефремова, 2000, с. 61]. Представляется, что именно таким образом выстроенная словарная статья достаточно точно отражает системные взаимоотношения между первым и вторым значениями лексемы *бакалавр*, устаревший характер второго значения (хотя и не снабженного соответствующей пометой) подчеркивается текстом самой дефиниции, где точно очерчены хронологические рамки использования этого значения, что служит дополнительным доказательством того, что этот лексико-семантический вариант слова так и остался в пассивном запасе русского языка. Однако некоторые современные лексикографические источники демонстрируют иную точку зрения на систему значений анализируемого слова, объединяя в рамках одного лексико-семантического варианта два принципиально разных значения: «БАКАЛАВР -а; м. [от лат. *Baccalaureatus* — украшенный лавром]. 1. В России до 1869 г.: преподаватель духовной академии. 2. В России до 1917 г. и после 1991 г.: первая ученая степень, присваиваемая выпускникам университетов и других высших учебных заведений после сдачи дополнительных экзаменов; лицо с такой

степенью. 3. Во Франции и некоторых других странах: лицо, окончившее среднюю школу и получившее право поступления в университет» [БТС, с. 55]. Как мы предполагаем, слово *бакалавр* и ему подобные не являются «вернувшимися» из пассивного запаса, так как в нашей образовательной системе не произошло «возвращения» к дореволюционной практике организации процесса обучения: ряд слов лексико-тематической группы «Образование» вторично заимствованы вместе с новой реальностью.

5. Заключение

Итак, зачастую лексическая единица, ранее активно используемая в русском языке, а затем отошедшая на периферию, а то и вовсе забытая носителями языка, вновь появляется в речи, обретая при этом в современном употреблении семантические компоненты, которые никогда не были ей присущи. Как, когда, под влиянием каких факторов произошли данные семантические видоизменения? По нашему мнению, ответить на эти и многие другие вопросы позволяет идея о вторичном заимствовании лексических единиц уже в ином значении, которое актуально для современного языка-источника. Не отвергая полностью процесса деархаизации слов, который, безусловно, свойственен русской лексической системе, стоит заметить, что для современного состояния языка вторичное заимствование является одним из активных процессов. При этом решение вопроса о том, является ли лексическая единица заимствованной повторно, калькированной или заимствованной первично, необходимо решать на основе детального анализа каждой отдельной лексической единицы.

Источники и принятые сокращения

1. БТС — *Большой толковый словарь русского языка* / под ред. С. А. Кузнецова. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с.
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 тт. / В. И. Даль. — Санкт-Петербург-Москва : Тип. М. О. Вольфа, 1880. — 2736 с.
3. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка : толково-словообразовательный : в 2-х т. / Т. Ф. Ефремова. — Москва : Русский язык, 2000. — 2310 с.
4. *Толковый словарь русского языка конца XX века : языковые изменения* / под ред. Г. Н. Складневской. — Санкт-Петербург : РАН, ИЛИ, 1998. — 700 с.

Литература

1. *Валгина Н. С.* Активные процессы в современном русском языке : учебное пособие для студентов вузов / Н. С. Валгина. — Москва : Логос, 2003. — 304 с.
2. *Герасченко М. Б.* Механизмы трансформации реактивированной лексики русского языка на рубеже XX — XXI веков, номинирующей реалии и понятия сфе-

ры политики и государственного устройства / М. Б. Геращенко // Политическая лингвистика. — 2009. — № 3 (29). — С. 114—118.

3. *Геращенко М. Б.* Почему в активное употребление возвращаются старые слова / М. Б. Геращенко, Г. М. Шипицина // Мир русского слова. — 2010. — № 4. — С. 13—18.

4. *Крысин Л. П.* Вторичное заимствование и его описание в толковом словаре / Л. П. Крысин // Русский язык сегодня : сборник статей / ответственный редактор Л. П. Крысин. — Москва. — 2004. — Вып. 3. — С. 143—148.

5. *Крысин Л. П.* Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий / Л. П. Крысин // Вопросы языкознания. — 2002. — № 6. — С. 27—34.

6. *Крысин Л. П.* Слово в современных текстах и словарях : очерки о русской лексике и лексикографии / Л. П. Крысин. — Москва : Знак, 2008. — С. 21—22.

7. *Маринова Е.* Обновление лексической системы современного русского языка как результат вторичного заимствования / Е. Маринова // OPERA SLAVICA, XVIII. — 2008. — № 4. — С. 32—39.

8. *Скляревская Г. Н.* Слово в меняющемся мире : русский язык начала XXI столетия : состояние, проблемы, перспективы / Г. Н. Скляревская // Исследования по славянским языкам. — 2001. — № 6. — С. 177—202.

9. *Студеникина Н. В.* «Пикап» как вторичное заимствование / Н. В. Студеникина // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2015. — № 6. — С. 90—94.

10. *Шмелькова В. В.* Процессы лексической архаизации и деархаизации в русском литературном языке / В. В. Шмелькова // Мир русского слова. — 2009. — № 1. — С. 30—33.

Secondary Borrowing of Lexical Units as Active Process in Modern Russian Language

© **Yuliya Yu. Mageramova (2019)**, orcid.org/0000-0003-4274-2371, PhD in Philology, Head of Department of Russian Philology and Journalism, North-Eastern State University (Magadan, Russia), mager.u@bk.ru.

The relevance of the study is determined by the author's appeal to the analysis of one of the dynamic processes that characterize the current state of the lexico-semantic system — secondary borrowing of foreign words. The questions concerning the differentiation of terminological words and phrases used by modern lexicologists in the process of studying the active processes occurring in the Russian language at the turn of the century are considered. Attention is paid to the analysis of approaches to foreign language vocabulary both "returned" from the passive lexicon and re-borrowed from foreign languages in the period of the late 20th — early 21st centuries. The question of expediency of use in a number of cases of the term *secondary borrowing* as the most accurately reflecting essence of the occurring processes is raised. Special attention is paid to the distinction between cases of dearchaization and secondary borrowing. The causes of vocabulary

dearchaization are covered, among them being pro-western and pro-Russian tendencies inherent in modern social consciousness. Analysis of the tokens *governor* and *bachelor* proves, that the term *dearchaized (reactivated) vocabulary* traditionally used in relation to certain words of lexical-thematic groups "Public-political organization" and "Education" should be replaced by the term *secondary borrowed vocabulary*.

Key words: secondary borrowing; double borrowing; passive lexicon; returned lexicon; dearchaization; reactivation; active dictionary.

Material resources

- BTS —Kuznetsova, S. A. (ed.) (2000). *Bolshoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Sankt-Peterburg: Norint. (In Russ.).
- Dal', V. I. (1880). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 tt.* Sankt-Peterburg-Moskva: Tip. M. O. Volfa. (In Russ.).
- Efremova, T. F. (2000). *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyy: v 2-kh t.* Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).
- Sklyarevskaya, G. N. (ed.) (1998). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka kontsa XX veka. Yazykovyye izmeneniya*. Sankt-Peterburg: RAN, ILI. (In Russ.).

References

- Gerashchenko, M. B. (2009). Mekhanizmy transformatsii reaktivirovannoy leksiki russkogo yazyka na rubezhe XX —XXI vekov, nominiruyushchey realii i ponyatiya sfery politiki i gosudarstvennogo ustroystva. *Politicheskaya lingvistika*, 3 (29): 114—118. (In Russ.).
- Gerashchenko, M. B., Shipitsina, G. M. (2010). Pochemu v aktivnoye upotrebleniye vozvrashchayutsya staryye slova. *Mir russkogo slova*, 4: 13—18. (In Russ.).
- Krysin, L. P. (2002). Leksicheskoye zaimstvovaniye i kalkirovaniye v russkom yazyke poslednikh desyatiletiiy. *Voprosy yazykoznaniya*, 6: 27—34. (In Russ.).
- Krysin, L. P. (2004). Vtorichnoye zaimstvovaniye i yego opisaniye v tolkovom slovare. In: *Russkiy yazyk segodnya: sbornik statey*, 3. Moskva. 143—148. (In Russ.).
- Krysin, L. P. (2008). Slovo v sovremennykh tekstakh i slovaryakh: Ocherki o russkoy leksike i leksikografii. Moskva: Znak. 21—22. (In Russ.).
- Marinova, E. (2008). Obnovleniye leksicheskoy sistemy sovremennogo russkogo yazyka kak rezultat vtorichnogo zaimstvovaniya. *OPERA SLAVICA*, XVIII, 4: 32—39. (In Russ.).
- Shmelkova, V. V. (2009). Protsessy leksicheskoy arkhizatsii i dearkhizatsii v russkom literaturnom yazyke. *Mir russkogo slova*, 1: 30—33. (In Russ.).
- Sklyarevskaya, G. N. (2001). Slovo v menyayushchemsya mire: russkiy yazyk nachala XXI stoletiya: sostoyaniye, problemy, perspektivy. *Issledovaniya po slavyanskim yazykam*, 6: 177—202. (In Russ.).
- Studenikina, N. V. (2015). «Pikap» kak vtorichnoye zaimstvovaniye. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 6: 90—94. (In Russ.).
- Valgina, N. S. (2003). Aktivnyye protsessy v sovremennom russkom yazyke: uchebnoye posobiye dlya studentov vuzov. Moskva: Logos. (In Russ.).